

Греческий «плач» Вячеслава Иванова*

Лия Леонидовна Ермакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16; lermakova@hse.ru

Для цитирования: Ермакова Л. Л. Греческий «плач» Вяч. Иванова. *Philologia Classica* 2023, 18 (2), 321–328. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2023.212>

В статье впервые публикуется и комментируется греческое стихотворение русского поэта-символиста Вячеслава Ивановича Иванова, написанное 2 сентября 1893 г. в Риме. Авторская подпись под стихотворением содержит указание на жанр плача («трена»): сочетание ямбического триметра с авторским заголовком «трен» можно найти у Григория Назианзина среди *Carmina de se ipso*. Несмотря на греческий метр и лексику, заимствованную частично из эпической поэзии, тематически Иванов ориентируется главным образом на русскую романтическую традицию, избирая ключевой темой тоску по «милому северу», который противопоставлен югу, олицетворяющему земной рай. Другие романтические мотивы — изгнанничество и зависть к свободным птицам. Отсылки к античной мифологии выражены в образах сада Гесперид и страны гипербореев: если сад Гесперид, в поэзии Иванова концептуально связанный не с западом, а с югом, — это идиллическое пространство, метафорически обозначающее Италию, то Гиперборея традиционно ассоциирована с Россией. Белокрылые птицы, стремящиеся в гиперборейский дом, которым завидует лирический герой, — очевидно, лебеди, и таким образом в стихотворении имплицитно возникает метапоэтическая тема, развиваемая Ивановым в контексте гиперборейского мифа в более поздних стихотворениях. И жанр, и тема изгнанничества указывают также на влияние овидиевских «*Tristia*»: годом ранее Иванов пишет элегическим дистихом послание к А. М. Дмитриевскому «*Laeta*», в котором признает Рим своим новым домом, а вместо тоски по родине здесь присутствует другой традиционный мотив — тоска по другу.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, романтизм, мотив «тоски по родине», неогреческая поэзия.

Цель настоящей статьи — познакомить читателей с греческим стихотворением Вячеслава Иванова (1866–1949), до сих пор не публиковавшимся. Греческие опыты Иванова уже становились предметом научного внимания (Ермолаева 2019; Ermolaeva 2020), а публикуемое стихотворение примечательно тем, что относится к раннему периоду творчества поэта. Текст стихотворения, публикуемый ниже, представлен автографом с незначительной правкой, который хранится в личном фонде Вяч. Иванова в Российской государственной библиотеке среди разрозненных записей на древнегреческом языке (ОР РГБ. Ф. 109, карт. 4, ед. хр. 59. Л. 2).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ РАН.

За ряд важных замечаний и исправлений выражаю признательность В. Т. Мусбаховой и анонимному рецензенту статьи.

1. Текст

Ὅπῃ μὲν ἢ τύχῃ τε κάπιθυμία
πλανημάτων μ' ἠγοῖντο, τῆδέ μοί ποτε
ύγρῶν κελεύθων ἠδὲ γῆς ἦν φίλτατον
ἐλθεῖν, ἅτ' ἀθανάτων τε τῶν κοσμητόρων
5 5τῆς φύσεως ἔργ' ἰδέσθαι καὶ βροτῶν ἔθῃ
θέλοντι μᾶλλον ἢ μέλειν τῶν πατριῶν·
τρόπον γαροῦν ποτωμένων ἅπ' ὀρνέων
νότον πρὸς ἄνεμον ἐγγὺς ὄντος χείματος
ἤβης ἐν ἥρι τὴν φίλην Ἄρκτον φυγῶν
10 πολλοῖσι πολλὰ διετέλουν ξενούμενος.
ἐρχθεὶς δ' ἀνάγκῃ νῦν γε τῆς πάτρας χθονὸς
κάν' Ἑσπερίδων πέπονθα τοῖς κήποις κακῶς·
βίου γὰρ ἦδ' ἤκων ποτ' ἐπ' ὀπώραν φθονῶ
πτηνοῖσιν ἠρινοῖσιν ἀργεννῶν πτερῶν
15 ὀρμωμένοις οἶκονδ' ὑπερβόρεον πάλιν,
ἐκδημία καμῶν μὲν, ὧν δ' αἰεὶ φυγᾶς.

Ἀριστοκλῆς Ἰωάννου
ἔγραψε τοῦτον τὸν θρήνον ἐν Ῥώμῃ
τῇ β' ἡμέρᾳ μηνὸς Σεπτεμβρίου
ἔτους ,αω λγ', πεφυκῶς τῆς ἑαυτοῦ πατρί-
δος φυγᾶς.

Правка в автографе незначительна: в 14-м стихе вместо ἀργεννῶν было ἀργήτων, в 16-м стихе вместо ἐκδημία было ἀποδημία; ἑαυτοῦ вписано над строкой; внизу страницы зачеркнутый текст: [Вариант ст. 1.2: μὲν ἂν τύχῃ ... μ' ἠγῶνται].

2. Перевод

«Куда бы ни вели меня и случай и жажда скитаний, в то место моря (букв. «влажных путей») и земли я прежде шел охотнее всего, ибо творения бессмертных устроителей природы и нравы смертных я более желал узреть, чем помышлял об отчих; и вот, подобно птицам, улетающим на юг при близости зимы, весной юности покинув милый Север, я долго гостил у многих (народов). Теперь же, когда я вынужденно отрезан от отчей земли, я зло страдаю даже в садах Гесперид, ибо, уже достигнув осени жизни, я завидую весенним птицам, которые на белых крыльях устремляются назад в Гиперборейский дом, тогда как я, вечный беглец, измучен жизнью на чужбине.

Аристокл, сын Иоанна, написал этот плач в Риме второго дня сентября месяца в лето 1893, беглец из своего отечества».

Год, указанный под стихотворением, написан с ошибкой: числовое значение буквы «сампи» (Ϻ) — 900, и вместо нее, очевидно, должна быть «коппа» (Ϟ или ϟ), имевшая числовое значение 90.¹ При этом в автографе между годом и «, πεφυκῶς»

¹ Остальное верно: α — 1000, ω — 800, γ — 3.

оставлен заметный промежуток: вероятно, год был вписан позднее — не исключено, что Иванов сделал это затем, чтобы проверить числовые значения греческих букв, однако все же допустил ошибку.

Летом 1886 г. двадцатилетний (ἡβης ἐν ἡρι — «весною юности») Вяч. Иванов вместе с первой женой Д. М. Дмитриевской уезжает из Москвы в Берлин, в Россию он ненадолго вернется только в октябре 1895 г. (Зобнин 2011, 31). Что до странствий и многих лет в чужих странах (πολλοῖσι πολλὰ διετέλουν ξενούμενος — «у многих [людей, народов] долго гостил»), то в 1891–1892 гг. Иванов побывал, помимо Германии, во Франции и в Англии, но особенно впечатлили его путешествие по Италии и ее античные памятники (Зобнин 2011, 17–20).

Если не знать указанную автором дату, можно подумать, что стихотворение либо относится к периоду вынужденного пребывания за границей в 1912–1913 гг., связанного с женитьбой на падчерице В. К. Шварсалон и рождением сына, либо к эмигрантскому периоду после 1924 г., однако в действительности биографический контекст не столь драматичен: в сентябре 1893 г. Иванову двадцать семь лет, он живет в Риме на *via Castelfidardo* и работает над диссертацией, посещая Германский археологический институт (Зобнин 2011, 20–21; Бонгард-Левин et al. 2006, 52–53). Таким образом, ἀνάγκη, не позволяющая вернуться в Россию, — не что иное, как необходимость писать диссертацию, которую Иванов в Германии так и не защитил (Wachtel 1994).

Ἀριστοκλῆς — ранний вариант греческого псевдонима Вяч. Иванова, тогда как в более поздние годы он подписывался именем Заклῆς. А. С. Николаев предполагает, что эта смена произошла между 1900 и 1904 гг. и связана, вероятно, не только с поиском более точного аналога имени «Вячеслав»,² но и с влиянием дионисийской тематики, которой Иванов занимался в тот период: усилительное ζα-отсылает к имени Ζαγρεὺς (Загрей), ипостаси Диониса (Николаев 2010, 374–375). Подпись Ἀριστοκλῆς, помимо публикуемого стихотворения и греческого письма Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (предположительно 1900 г.; опубликовано: Бонгард-Левин et al. 2006, 231; ср.: Николаев 2010, 373), встречается также в другом письме на греческом из той же единицы хранения.³

Сочетание ямбического триметра с авторским заголовком «трэн» можно найти у Григория Назианзина⁴ (*Carmina de se ipso*, 25, 52, 53, 63, 65, 75, 76), однако его «плачи», как правило, обращены к Христу, у Иванова же адресат отсутствует. Анализ метрики позволяет сделать вывод, что Иванов довольно строго передает особенности триметра: закон Порсона нарушен только в одном, восьмом, стихе; цезура после пятого и/или седьмого элемента соблюдена во всех стихах, кроме

² «Можно отметить, что с точки зрения древнегреческого языка Заклῆς более удачно передает рус. Вячеслав, поскольку буквальным (или, скорее, школьным) переводом Ἀριστοκλῆς является “тот, чья слава является наилучшей”» (Николаев 2010, 373).

³ Ἀξιότιτε καὶ φίλτατε Αἰλουρε, παρακαλῶ σε ἵνα ἀκριβῶς ἀναγνοῦσα τὸν πρῶτον λόγον ἐκ τῶν συλλεχθέντων ἐν τῷ βιβλίῳ σου καλουμένῳ Florilegium Graecum παρασκευάσης τοῦτου τὴν ἐρμηνείαν. Χαίρε, ἡδίστε. Ἀριστοκλῆς. «Досточтимый и дражайший Котик, прошу тебя, внимательно прочитай первый из текстов, собранных в твоей книжке, озаглавленной Florilegium Graecum, подготовить его перевод. Прощай, любезнейший. Аристокл» (ОР РГБ. Ф. 109, карт. 4, ед. хр. 59. Л. 1). Возможно, оно также адресовано Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, либо Д. М. Дмитриевской, домашнее прозвище которой Котик и Котенок встречается в письмах Иванова (ОР РГБ. Ф. 109, карт. 10, ед. хр. 8) и в его шуточных стихах (ОР РГБ. Ф. 109, карт. 1, ед. хр. 35. Л. 51об., 61об.).

⁴ За это указание благодарю анонимного рецензента статьи.

седьмого и пятнадцатого, — пятнадцатый стих она делит пополам (caesura media), что встречается даже в трагическом триметре (Stephan 1985, 40–41); разрешения в стихах 4, 8, 10, 12, 13, 15 допустимые, включая роспуск третьего (или первого кратко) элемента, что бывает в именах собственных (Снелль 1999, 34); вопросы вызывает лишь пятый стих с недопустимым долгим третьим элементом (окончание -ως в φύσεως): возможно, это описка и Иванов имел в виду искусственную поэтическую форму φύσεος (Eur. Tro. 886).

3. Комментарии

2 πλανημάτων («скитаний») — редкое поэтическое слово πλάνημα (= πλάνη) встречается у двух трагиков: Soph. OT 727; Aesch. PV 828.

τῆδέ μοι лоте в конце стиха перекликается с τῆδέ μοι τάδε в той же позиции у Софокла (Soph. Aj. 687).

3 ὑγρῶν κελεύθων («влажных путей») — гомеровская формула для морского пути, у Гомера всегда в конце стиха в форме ὑγρὰ κέλευθα (Il. 1, 312; Od. 3, 71; 4, 842; 9, 252; 15, 474), позже встречается и у других эпических поэтов (напр., Ap. Rhod. Argon. 1, 574; Quint. Smyrn. 6, 105; Nonnus, Dion. 2, 284). Этот генетив не вполне удачен в смысловом отношении, поскольку указывает здесь не на способ передвижения, а, скорее, на направление (τῆδ᾽ ... ὑγρῶν κελεύθων ἠδὲ γῆς). По-видимому, имеется в виду не только Италия, где находится поэт, но и другие страны, в которых он побывал, так как в стихах 1–3 итеративный условный период, относящийся к прошлому (протасис итеративного периода, относящегося к настоящему, вписан внизу страницы, но затем зачеркнут).

4 ἀθανάτων τε τῶν κοσμητόρων («бессмертных строителей») — поэтическое существительное κοσμητήρ у Гомера обозначает предводителя войска (Il. 1, 16), т.е. того, кто блюдет в войске порядок (κόσμος), к богам же это слово не применяется — лишь в более поздних, христианских текстах κοσμητήρ может характеризовать Бога.

6 τῶν πατρίων («отчих») — ср. πατρίοις ἔθεσι («отеческим обычаям») (Pl. Plt. 295a).

7 ποτωμένων ἄπ' ὀρνέων («улетающих птиц») — тмесис.

9 ἤβης ἐν ἡρι («весною юности») — позиция предлога ἐν между определением и определяемым словом характерна для эпического стиля, впрочем, сам предлог при временном дативе ἡρι (ἡρ — «весна») избыточен, особенно в поэзии.

τὴν φίλην Ἄρκτον («милый Север») — прилагательное φίλος у Гомера может иметь значение «свой собственный», так что Север здесь также и «родной».

11 τῆς πάτρας χθονός — поэтическое существительное πάτρα («родина») примыкает к другому существительному χθών (ἐρχθεῖς... τῆς πάτρας χθονός — букв. «удерживаемый от родины-земли») по аналогии с выражением πατρίς γαῖα (Hom. Od. 24, 322; Hes. [Sc.] 1, 12; Aesch. Sept. 585) или γῆ πατρίς (Soph. OT 641).

13 βίου γὰρ ἡδ' ἡκὼν пот' ἐπ' ὀπώραν («подойдя уже к осени жизни») — ὀπώρα — это вторая половина лета, переходящего в осень, и включающая конец июля и часть сентября, когда в Средиземноморье поспевают фрукты, а в сентябре и виноград; в метафорическом смысле «расцвет» см. у Пиндара: Pind. Isthm. 2, 5; Nem. 5, 6.

13–14 φθονῶ πτηνοῖσιν ἡρινοῖσιν ἀργεννῶν πτερῶν (букв. «я завидую весенним птицам за белые крылья») — ἀργεννός («белый») у Гомера является постоянным

эпитетом исключительно для овец и белой одежды. Трудно сказать, почему Вяч. Иванов предпочел его исходному ἀργήτων (ἀργής — «белый», «блестящий»), ведь, например, у Феокрита ἀργηστής, вариант того же прилагательного, — как раз эпитет лебедей (Theoc. *Id.* 25, 130–131), но можно предположить, что Иванову важнее была именно цветовая семантика: у Гомера же ἀργής — постоянный эпитет молнии Зевса, то есть характеризует не только цвет, но и блеск.

16 ἐκδημία и ἀποδημία — слова близкие по смыслу: оба означают пребывание за пределами своего государства как добровольное и временное, так и вынужденное. Выбор Ивановым первого варианта, возможно, обусловлен метрически (отсутствие разрешения) или более сильным значением приставки ἐκ-: ср. у Платона ἐκδημία «ссылка» (Pl. *Leg.* 869e) и причастие ἐκδημῶν в аналогичном значении (Pl. *Leg.* 864e). Определенной двойственностью обладает также пассивное причастие ἐρχθείς, поскольку глагол ἔρχω, или εἶρχω («запирать», «препятствовать», «удерживать кого-то от чего-то»), употреблялся в юридическом контексте, обозначая поражение в гражданских правах (*Lys.* 6, 24).

Лексемы πλάνημα, ἡδέ, κοσμήτωρ, βροτός, ποτάομαι, χεῖμα, πάτρα, ἀργεννός, выражения ὑγρὰ κέλευθα и ἡ φίλη Ἄρκτος, а также стяженная форма существительного πτηνός (= πετεινός) — маркеры поэтического стиля, из неаттических форм отметим следующие: πολλοῖσι, πτηνοῖσιν и ἡρινοῖσιν.

Структурная доминанта «плача» — антитеза: ἡ τύχη τε κάλιθυμία («и случай и жажда») — ἀνάγκη (нужда); ποτε («некогда») — νῦν («ныне»); ἀθανάτων («бессмертных») — βροτῶν («смертных»); νότον πρὸς ἄνεμον («на юг») — τὴν φίλην Ἄρκτον («милый Север»); ἐγγὺς ὄντος χειμάτος («при близости зимы») — πτηνοῖσιν ἡρινοῖσιν («весенним птицам»); ξενούμενος («будучи гостем, чужаком»), φυγὰς («беглец», «изгнанник»), ἐκδημία καμῶν («измученный изгнанием») — τῶν πατριῶν («отчих»), τῆς πάτρας χθονός («родины-земли»), οἶκονδ' («домой»). На антитезе построена и примечательная хиастическая конструкция: если раньше лирический герой «весною юности» покинул север и устремился на юг, подобно осенним птицам, то теперь он «осенью жизни» жаждет вернуться на север, подобно весенним птицам.

Противопоставление райского юга суровому северу восходит к романтической топике и вполне традиционно для русской поэзии XIX в.⁵ Мотив стремления на юг в духе гётевской «Миньоны» («Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn...») звучит чаще мотива тоски по «милому северу», но примеры второго также можно найти:⁶ «И средь полуденных зыбей, / Под небом Африки моей, / Вздыхать о сумрачной России...» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава 1, строфа L); «Земля цветет, — она здесь жизнью дышит той, / Что мне была всегда любимой мечтой, / Во сне и наяву влекла волшебной силой... / И вот теперь и я в желанной стороне, — / По бурям севера что ж грустно стало мне? (Л. А. Якубович «Северянин на юге») (Гинзбург, Киселев-Сергенин 1972, 274); «Под небом южной стороны / Он вспоминал свой север дальний / И яркий блеск ее весны / Души не радовал печальной» (А. Н. Плещеев «Памяти Н. А. Некрасова») (Плещеев 1964, 252); «О, дайте крылья мне скорей, / О, дайте мне волшебной силы: / Хочу лететь на север милый / К подружке плачущей

⁵ Подробнее: Boele 1996, 149–164.

⁶ См. главу «Homesick for the South» (Boele 1996, 159–164).

моей» (А. А. Голенищев-Кутузов «Звездистый сумрак, тишина...») (Голенищев-Кутузов 1894, 92).

В стихотворении Вяч. Иванова нет ни темы любви, ни обычных характеристик севера (зима, снег, вьюга и т. п.), ни мотива коварного юга как ложного рая (Boele 1996, 162–164), а тоска по северу подчеркивается недобровольностью (ἐρχθεις δ' ἀνάγκη) и бессрочностью (ὄν δ' αἰεὶ φύγας) изгнанничества.⁷ Помимо типично романтического мотива изгнанничества⁸ и зависти к свободным птицам, присутствует топоним сказочной, волшебной страны, или рая: сады Гесперид в античной мифологии локализовались на крайнем западе, где заканчивается земля. Там же, на западе, находились и Острова блаженных. Иванов встраивает античную топику в романтическое противопоставление север — юг: концептуально сады Гесперид для Иванова привязаны к югу, как в стихотворении «Голоса» («Муз моих вещунья и подруга, / Вдохновенных спутница менад! / Отчего неведомого Юга / Снится нам священный сад? <...> Где она, волшебной Геспериды / Золотящаяся даль?» (Иванов 1903, 105)), так что здесь это, очевидно, метафорическое обозначение Италии.

Гиперборея, локализованная на крайнем севере, с одной стороны, в античной парадигме, подобно садам Гесперид, представляет собой страну блаженную и недосыгаемую для простых смертных, но с другой стороны, в русской поэзии XIX в. это ставшее вполне традиционным метафорическое обозначение России или — уже — Петербурга. Так, в стихотворных посланиях «Laeta» (1892), адресованных другу Вяч. Иванова А. М. Дмитриевскому, Гений Места обращается к лирическому герою Иванова: «Счастлив истинно ты пред многими в Гипербореях: / Стольких познал ты богов, столько ты зрел красоты!» (Иванов 1903, 247).

Птицы, стремящиеся по весне домой на север, — это, несомненно, лебеди, священные птицы Аполлона: в стихотворении имплицитно возникает тема поэта и поэзии, которая во всей полноте раскрывается в более поздних стихах Иванова, в частности в обращенном к А. Блоку стихотворении «Ты царским поездом назвал...» из сборника «Нежная тайна» (1912): «Смотрю / На легкий поезд твой — с испугом / Восторга! Лирник-чародей, / Ты повернул к родимым вьюгам / Гиперборейских лебедей!» (Иванов 1912, 11). Гиперборейский миф в контексте поэтического творчества позже развивается Ивановым в цикле «Лебединая память» (Иванов 1915), а именно в стихотворениях «Гиперборейская быль» («Было время, — помнят саги...»), «Зефир» («Явится, ведай...») и «Превращение» («Золотые письмена...»)⁹

Наконец, отметим еще один очевидный подтекст — овидиевские *Tristia* и «Письма с Понта», на которые Вяч. Иванов ориентируется в написанных элегическим дистихом посланиях «Laeta», обыгрывая реверсивность ситуации как в пространственном отношении (поэт пребывает в Риме, а его адресат на «Понтийских берегах»), так и в эмоциональном, что отражено в заголовке (*laeta* —

⁷ Отметим, что в стихотворных посланиях А. М. Дмитриевскому «Laeta», написанных за год до этого, в марте и октябре 1892 г., никакой тоски по родине и в помине нет: «Рим — всех богов жилищем клянусь! — мне по сердцу обитель: / Цели достигнув святой, здесь я, паломник, блажен» (Иванов 1903, 244); «Родине верен, я Рим родиной новою чту» (Там же, 250).

⁸ Довольно очевидна переключка со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Тучи»: «Тучки небесные, вечные странники! / Степью лазурною, цепью жемчужною / Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники / С милого севера в сторону южную».

⁹ Историю создания и текстологию этих стихотворений, а также о гиперборейском мифе у Вяч. Иванова см.: Шишкин 1996.

«радостные»). Тон греческого «плача» уже иной и ближе к *Tristia*: трудно сказать, отражает ли маска лирического героя настроения поэта осенью 1893 г., но, так или иначе, невозможно не думать о горькой иронии судьбы — через тридцать с лишним лет изгнанничество действительно станет вынужденным и бессрочным.

Литература

- Бонгард-Левин Г. М., Н. В. Котрелев Н. В., Ляпустина Е. В. (изд. текстов, исслед. и комм.) *История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова*. Москва, РОССПЭН, 2006.
- Гинзбург Л. Я. (ред.), Киселев-Сергенин В. С. (биогр. справки, сост., подг. текста и прим.) *Поэты 1820–1830-х годов*. В 2 т. Т. 2. Ленинград, Советский писатель, 1972.
- Голенищев-Кутузов А. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография А. С. Суворина, 1894.
- Ермолаева Е. Л. Греческое послание Вяч. Иванова Г. А. Рачинскому. *Philologia Classica* 2019, 14 (1), 121–130.
- Зобнин Ю. В. *Материалы к Летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова. Часть 1 (1866–1907)*. 2011. URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/02/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (accessed: 02.08.2023).
- Иванов Вяч. *Кормчие звезды: Книга лирики*. Санкт-Петербург, Типография А. С. Суворина, 1903.
- Иванов Вяч. Лебедина память. *Русская мысль*, 1915, 8 (август), 1–10.
- Иванов Вяч. *Нежная тайна*. Санкт-Петербург, Оры, 1912.
- Николаев А. С. Ζακλῆς, в кн.: Лаппо-Данилевский К. Ю., Шишкин А. Б. (ред.) *Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1*. Санкт-Петербург, Изд-во Пушкинского Дома, 2010, 371–376.
- Плещеев А. Н. *Полное собрание стихотворений*. Вступ. статья, подг. текста и примеч. М. Я. Полякова. Москва, Ленинград, Советский писатель, 1964.
- Снелль Б. *Греческая метрика*. Пер. Д. О. Торшилова, предисл. А. И. Зайцева. Москва, Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999.
- Шишкин А. Б. «Певец у суфитов» (по рукописям Римского архива). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 1996, 41, 291–309.
- Boele O. *The North in Russian Romantic Literature*. Amsterdam — Atlanta (GA), Rodopi, 1996.
- Ermolaeva Elena. Three Greek Poems by the Neohumanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949), in: Kajava M., Korhonen T., Vesterinen J. (eds) *Meilicha dôra: Poems and Prose in Greek from Renaissance and Early Modern Europe*. Vaasa, Grano Oy, 2020, 333–348.
- Stephan G. Zur Strukturevielfalt jambischer Trimeter. *Hermes* 1985, 113 (1), 31–44.
- Swift L. A. *The Hidden Chorus: Echoes of Genre in Tragic Lyric*. Oxford — New York, Oxford University Press, 2010.
- Wachtel M. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета. *Cahiers du Monde Russe Année 1994. Fait partie d'un numéro thématique: Un maître de sagesse au XXe siècle Vjačeslav Ivanov et son temps* 35, 1–2, 1994, 353–376.

Greek “Lament” by Vyacheslav Ivanov*

Liia L. Ermakova

HSE University,

16, ul. Souza Pechatnikov, St. Petersburg, 190008, Russian Federation; lermakova@hse.ru

For citation: Ermakova L. L. Greek “Lament” by Vyacheslav Ivanov. *Philologia Classica* 2023, 18 (2), 321–328. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2023.212> (In Russian)

This article publishes a Greek poem composed by the Russian symbolist Vyacheslav Ivanov in Rome on September 2, 1893. The author’s signature below contains an indication of the

* The present study is carried out within the framework of an RSF (Russian Science Foundation) project 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>.

genre (“threnos”, i. e. “lament”): the combination of iambic trimeter with the author’s title “threnos” can be found in the *Carmina de se ipso* by Gregory Nazianzin. Despite the Greek meter, language, and vocabulary borrowed partly from epic poetry, Ivanov is oriented toward the Russian Romantic tradition in choosing as a key theme the longing for the “sweet north” contrasted with the south, a representation of an earthly paradise. Other Romantic motifs include exile and envy of free birds. References to ancient mythology are expressed in the images of the garden of the Hesperides and the country of the Hyperboreans: whereas the garden of the Hesperides, conceptually linked in Ivanov’s poetry with the South, is an idyllic space metaphorically referring to Italy, Hyperborea is traditionally associated with Russia. The white-winged birds aspiring to the Hyperborean home are swans, and thus here appears implicitly the metapoetic theme developed by Ivanov with the Hyperborean myth in later poems. The genre and theme of exile point to the influence of Ovid’s *Tristia*: a year earlier, Ivanov had written an elegiac epistle to A. M. Dmitrievsky entitled *Laeta*, in which he recognizes Rome as his new home, and instead of homesickness, there is a motif of longing for a friend.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Romanticism, “homesickness” motif, neo-Hellenic poetry.

References

- Boele O. *The North in Russian Romantic Literature*. Amsterdam — Atlanta, Rodopi, 1996.
- Bongard-Levin G. M., N. V. Kotrelev N. V., Liapustina E. V. (publ., research and comm.) *History and Poetry: Correspondence between I. M. Grevs and Vyach. Ivanov*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).
- Ermolaeva E. L. The Greek poem by Vyach. Ivanov to G. A. Rachinsky. *Philologia Classica* 2019, 14 (1), 120–129 (in Russian).
- Ermolaeva Elena. Three Greek Poems by the Neohumanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949), in: Kajava M., Korhonen T., Vesterinen J. (eds) *Meilicha dôra: Poems and Prose in Greek from Renaissance and Early Modern Europe*. Vaasa, Grano Oy, 2020, 333–348.
- Ginzburg L. Ia. (ed.), Kiselev-Sergenin V. S. (biogr. notes, comp., ed. and comm.) *Poets of the 1820s–1830s*. In 2 vols. Vol. 2. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1972 (in Russian).
- Golenishchev-Kutuzov A. *Works*. Vol. 1. St Petersburg, Tipografia A. S. Suvorina Publ., 1894 (in Russian).
- Ivanov Vyach. *Pilot Stars: A Book of Lyrics*. St Petersburg, Tipografia A. S. Suvorina Publ., 1903 (in Russian).
- Ivanov Vyach. Swans’ Memory. *Russkaia mysl’*, 1915, 8 (August), 1–10 (in Russian).
- Ivanov Vyach. *Nezhnaia taina [Soft secret]*. St Petersburg, Ory Publ., 1912 (in Russian).
- Nikolaev A. S. Ζακλῆς, in: Lappo-Danilevskii K. Iu., Shishkin A. B. (eds) *Vyacheslav Ivanov: Studies and materials. Issue 1*. St. Petersburg, Izdatel’stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, 371–376 (in Russian).
- Pleshcheev A. N. *Complete Poems*. Introd., ed. and comm. by M. Ia. Poliakov. Moscow — Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1964 (in Russian).
- Shishkin A. B. “Singer at the Sufis” (according to the manuscripts of the Roman Archive). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 1996, 41, 291–309 (in Russian).
- Snell B. *Greek Metric*. Transl. by D. O. Torshilov, introd. by A. I. Zaitsev. Moscow, Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina Publ., 1999 (in Russian).
- Stephan G. Zur Strukturevielfalt jambischer Trimeter. *Hermes* 1985, 113 (1), 31–44.
- Wachtel M. Vyacheslav Ivanov a Student of the Berlin University. *Cahiers du Monde Russe Année 1994. Fait partie d’un numéro thématique: Un maître de sagesse au XXe siècle Vjačeslav Ivanov et son temps* 35, 1–2, 1994, 353–376 (in Russian).
- Zobnin J. V. *The Materials to Chronicle of Vyach. I. Ivanov’s Life and Works. Part 1 (1866–1907)*. 2011. URL: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (accessed: 02.08.2023) (in Russian).

Received: June 14, 2023

Accepted: October 3, 2023